

УДК 929
ББК 63.3(0)6-8
К53

Guido Knopp
TOP SPIONE Verraeter im Geheimen Krieg
Wilhelm Goldmann Verlag, Muenchen 1997

В сотрудничестве с:
Петером Адлером, Лутцем Беккером, Кристианом Дайком,
Ральфом Пеховиаком и Кристианой Руль
Документация: Урсула Неллессен и Андреа Тот

Кноп, Гвидо.

К53 Супершпионы. Предатели тайной войны / Гвидо Кноп ;
[перевод с немецкого В. Крючкова]. — Москва : Родина,
2022. — 352 с.

ISBN 978-5-00180-691-2

Профессор Гвидо Кноп с 1984 по 2010 год возглавлял редакцию современной истории Второго Немецкого Телевидения ZDF. Автор беседовал с еще живыми супершпионами «холодной войны», их коллегам и их противниками. Кем же были эти люди — актеры на сцене истории? Что побудило их предать свою страну? Книга состоит из шести очерков, посвященных: полковнику советской внешней разведки Олегу Гордиевскому, атомному шпиону Клаусу Фуксу, знаменитому британскому разведчику Джорджу Блейку, спровоцировавшему крупнейший шпионский скандал в истории ФРГ Гюнтеру Гийому, одному из самых ценных агентов КГБ Джону Уокеру и сбежавшему на Запад сотруднику восточногерманской разведки Вернеру Штиллеру, который сообщил об агентуре ГДР в Западной Германии, Франции, Австрии и США.

УДК 929
ББК 63.3(0)6-8

ISBN 978-5-00180-691-2

© Кноп Г., 2022
© Крючков В., перевод, 2022
© ООО «Издательство Родина», 2022

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие. Тайна предателя	6
Двойной агент	13
Атомный шпион	76
«Крот»	134
Референт	188
Дилер	253
Перебежчик	306
Глоссарий	348

ПРЕДИСЛОВИЕ. ТАЙНА ПРЕДАТЕЛЯ

Словарь второй древнейшей профессии полон захватывающих слов: внедрение, саботаж, предательство, дезинформация, двойные агенты, «подставы», мертвые почтовые ящики. Как никакая другая тема, полный тайн мир шпионажа вдохновляет фантазию писателей и авторов киносценариев. Легендарные герои Джона Ле Карре или зловещие противники Джеймса Бонда приковывали к себе внимание публики и потому, что во время «холодной войны» и атомного противостояния двух сверхдержав они пробуждали подсознательные чувства страха. Раскрытие некоторых знаменитых «настоящих» шпионских дел, казалось, подтвердило смертельную опасность, исходящую от агентов и «кротов». Единственная утечка в системе безопасности могла нарушить баланс взаимного устрашения, поставить под угрозу безопасность миллионов людей. Так думали тогда. Иногда так это и было. Вот что делало шпионаж таким угрожающим.

Со времени распада Восточного блока стали просматриваться контуры той таинственной «невидимой войны», которую всеми силами вели друг против друга сверхдержавы, прячась за ширмой ежедневной политики. «Холодная война» представляла собой идеальное поле действия для шпионов: почти все, что можно было узнать о политической, экономической и военной сфере другой стороны, было важным. Даже за малозначащие, побочные сведения разведцентры в Вашингтоне и Москве, в Лондоне, Восточном Берлине и Пуллахе под Мюнхеном были весьма благодарны. Но вот нынче и яркий мир «холодной войны» покоится на свалке истории. И лишь сейчас нам пре-

доставляется шанс приоткрыть некоторые из самых свято оберегаемых в те годы тайн.

Шпионы занимаются своим сомнительным ремеслом, как правило, не во время погонь или шикарных приемов. Повседневный шпионаж обычно представляет собой рутину, пустую трату усилий и времени, бюрократию. Супер-модель, соблазняющая шпиона, попадаетеся в жизни, увы, крайне редко. Но тем не менее, реальность оказывается намного напряженней и захватывающей любой выдумки. Более угрожающими являются обстоятельства и фон событий, опаснее работа, а причины предательства куда неоднозначней, чем придумывают авторы романов. Это показывают отобранные мною дела.

Самыми значительными фигурами Тайной войны сверхдержав были мужчины самого разного склада. Незаметные или блистательные, вдумчивые или спонтанные, трезвые или переполненные эмоциями, они обладали чем-то общим — мужеством, чтобы совершить измену: атомный шпион Клаус Фукс, немецкий физик на службе США, раскрывший Советам тайну атомной бомбы; «крот» Джордж Блейк, агент на службе Ее Величества, выдавший КГБ всю сеть британской разведки в Восточной Европе; «канцлерский шпион» Гюнтер Гийом, разоблачение коего привело к отставке канцлера Вилли Брандта; перебежчик Вернер Штиллер, который после побега на Запад разоблачил десятки агентов разведки ГДР; торговец секретами Джон Уокер, два десятилетия продававший сверхсекретные шифры и коды американских вооруженных сил КГБ; двойной агент Олег Гордиевский, офицер резидентуры КГБ в Лондоне, передававший англичанам ценнейшие тайны.

В совокупности эти случаи точно показывают, что же такое был и есть шпионаж: циничная торговля людьми. Только один, атомный шпион Клаус Фукс, уже мертв. Остальные

живы: в изгнании, на свободе, в тюрьме*. Их дела давно закрыты. Именно поэтому стало возможно допросить самих шпионов в качестве свидетелей по их собственным делам. Только так можно реконструировать захватывающую историю предательства. И только так можно составить психограмму каждого отдельного шпиона. Именно по этим причинам я отказался, в частности, включить в эту книгу одно из самых больших последних шпионских дел — дело Олдрича Эймса. Тем не менее, этот выслеженный не так давно шпион КГБ на службе ЦРУ сыграл решающую роль в нашем деле Олега Гордиевского: Эймс дал Москве основную наводку. Один двойной агент предал другого.

Так же, как и характеры этих супершпионов, отличаются мотивы совершенного ими предательства. На вопрос, почему они стали шпионами, ответы были самые разные. Чистый идеализм так же приводил к смене фронтов, как и шантаж или простая жадность. Но они не только с готовностью занимались своим делом — в игре участвовала всегда и скрытая, подавленная страсть к двойной жизни, обману, камуфляжу.

Роль Иуды несет в себе соблазн. Нескрываемая гордость, с которой супершпионы после часто бесславного конца своей карьеры рассказывают о трюках и уловках, которыми они дурачили противоположную сторону, очевидно, только еще одно доказательство их одиночества. Никто, даже среди самого близкого и доверенного окружения, не мог знать об их конспиративных успехах, никто не мог открыто выразить свою похвалу или признание. Единственным контактом со «своей» стороной обычно были только мертвые почтовые ящики и иногда короткие тайные встречи со связниками. Необходимость двойной игры, обмана даже самых лучших друзей измотала многих разведчиков.

* Книга вышла в 1994 году. В 1995 году умер Гюнтер Гийом — «канцлерский шпион» восточногерманской «Штази». (прим. пер.)

Клаус Фукс, еще щадя себя, называл свое сомнительное положение «контролируемой шизофренией».

Джордж Блейк сегодня вовсе не сожалеет, что он выдал КГБ четыре сотни британских шпионов. Его печалит лишь то, что он не мог раскрыться перед своей женой и семьей. Брак распался.

Олег Гордиевский в одиночку сбежал из Москвы. Чтобы не подвергать опасности свою жену, он ничего не сказал ей о своем плане. Но цена оказалась высокой: КГБ взял ее в заложницы.

Супершпионам следовало бы, видимо, лучше всего оставаться холостяками. По меньшей мере, автор, пусть после многих лет, видит немалый смысл в изоляции, избираемой самими шпионами.

Так как «дела» их уже принадлежат архивам истории, выдающиеся экс-агенты вовсе не всегда считают, что молчание — золото. Когда шпионы «в отставке» хотят говорить — они говорят, но чтобы разговорить их, нужно немало потрудиться, — все равно, идет ли речь о заключенном в тюрьме в Атланте или об эмигранте в Москве. Обет верности — кому? — тут уже ни при чем, кроме того, его уже никто не требует. Эти супермастера второй древнейшей профессии верны, в наивысшей степени, только одному — собственной тяге к обману, или, по меньшей мере, — к уловкам.

Описания карьеры великих предателей «холодной войны» — это одновременно истории о злоупотреблении чувствами и о фальшивых надеждах. Отношения агентов и ведущих оперативных офицеров часто напрочь лишены всяческих рыцарских аспектов, о которых порой врут читателям многие шпионские романы.

Большие разведки никогда не работают без «двойного дна». В них любят предательство, но не предателей. Самые видные супершпионы в конце своей карьеры — не более, чем инструменты, которыми пользуются, а после сде-

ланной работы — выбрасывают без зазрения совести. Остаются огорченные ветераны — агенты, которые упорно ищут смысл в предательстве, совершенном ими. Как правило, после разоблачения они бесполезны для своих работодателей и представляют для них интерес лишь как потенциальные факторы риска для безопасности. Некоторые до смерти живут под страхом преследования. Другие, как Джон Уокер, получают за предательство своей страны пожизненное заключение. В лучшем случае экс-шпионов поселяют на удаленных виллах, засыпая орденами. Редко, как в случае Вернера Штиллера, им удастся устроить свою вторую жизнь.

Что же остается? За что им можно ухватиться? В своих запоздалых оправданиях пенсионеры разведки все время, как молитву, повторяют, что их измена служила сохранению мира. А что им еще говорить? Естественно, их бои на «невидимом фронте» «холодной войны» можно рассматривать с двух сторон: они обостряли напряженность и иногда даже приводили к ней, но одновременно заботились о гласности и доверии, пусть по каналам конспирации.

Шпионаж, как мероприятие, способствующее доверию, как успокаивающее знание того, что противник во все не хочет напасть на тебя, но, напротив, сам тебя боится. Эта двойственность осталась и по окончании «холодной войны», что утешает и в нынешнее время. Секретные службы и в будущем останутся несущими столпами национальной безопасности, пусть даже с сокращенными бюджетами. Большие шпионские аферы будут и позднее привлекать к себе внимание, как дела Фукса, Блейка, Уокера и других. Центр тяжести сместится: с военных «топ-секретов» — к экономическим. У атомной тайны, в конце концов, будет похищена ее «исключительность».

В любом случае, вторая древнейшая профессия в мире будет и дальше влачить свое (вредное?) существование. Она останется привлекательной, полной захватывающего

напряжения и сложных, но блистательных фигур. Некоторые из этих «людей из тьмы» впервые в этой книге высказываются на темы секретов супершпионов: шефы КГБ Владимир Крючков, Леонид Шебаршин и Виктор Грушко; Маркус Вольф — руководитель внешней разведки ГДР, Гюнтер Кратч — шеф контрразведки ГДР, видные агенты и ведущие офицеры КГБ Павел Судоплатов, Евгений Питовранов, Вадим Гончаров и Сергей Кондрашов; агент ЦРУ Джо Эванс, Гериберт Хелленбройх, бывший шеф Федерального ведомства по защите конституции ФРГ и многие другие. Сэр Николас Эллиотт, легендарный экс-директор британской разведки МИ 6, дал для этой книги последнее интервью перед своей смертью.

Шпионские дела — всегда психологические драмы, а главные роли играют жены. Некоторые из них впервые рассказали нам для этой книги правду об их мужьях: бывшая супруга Вернера Штиллера Эржебет — и его бывшая любовница Хельга Михновски; Лейла Гордиевская, служившая КГБ заложницей после бегства ее мужа; бывшая жена Джона Уокера Барбара, которая предала ФБР своего мужа — шпиона КГБ, обманывавшего ее, и, не подозревая об этом, выдала и своего собственного сына. Первыми жертвами наших супершпионов были их жены.

При создании этой книги мне помогали многие люди. Я благодарю своих сотрудников и коллег Петера Адлера, Ральфа Пеховиака и Лутца Беккера, доказавших свои творческие умения не только в документальном кино, но и за письменным столом; Кристиану Рувль и Кристиана Дайка, помогавших мне написать истории о Гиойме и Фуксе; Нину Штайнхаузер и Ульриха Ленце, рассказавшего эти же истории в фильмах; Александра Роднянского, создавшего документальный телевизионный фильм об Олеге Гордиевском; Урсулу Неллессен и Андрею Тот, собравших документы для этой книги.

Итог предателей отрезвляет: шпионаж не оправдывает себя. Остаются раны, причиняющие боль себе и другим: разрушенные браки, разочаровывающее изгнание, часто мучительные воспоминания о людях, вину за смерть которых чувствуешь. Прошлое можно загнать в отдаленные уголки сознания, но совсем избавиться от него нельзя. В конце главной тайной предателя остается его скрытое горе. Для государств шпионаж может быть выгоден, для шпионов — не окупается никогда.

Гвидо Кноп

ДВОЙНОЙ АГЕНТ

Первое впечатление таково: каким же незначительным выглядит этот человек. Широкое русское лицо, жидкие волосы, настороженные глаза, но никаких особых примет, врезающихся в память. Темный костюм, белая рубашка — не так ли незаметно нужно выглядеть удачливому шпиону? Второе впечатление — его недоверчивость. Из потерянной спортивной сумки он вытаскивает в ходе нашей беседы термос с «русским кофе», то есть водкой с кофе, бутылку минеральной воды, три сэндвича с сыром. У нас он ничего не берет. Он нам не верит. Он хочет оставаться независимым, везде и в любой момент. Он все еще боится. Это очевидно. И у него есть причина для этого.

Даже сейчас Олег Анатольевич Гордиевский*, родившийся в 1939 году**, был полковником советской разведки КГБ. Когда он им стал, в 1985 году, ему предстоял прыжок на пост шефа резидентуры КГБ в Лондоне. На самом деле он уже давно работал как «крот» на британскую разведку. Ей он в течение 11 лет выдавал не только знания о внутренней жизни КГБ, но и его агентов. За это в Советском Союзе он был приговорен к смертной казни. КГБ больше нет. Но смертный приговор Олегу Анатольевичу действует и поныне. Он законно осужденный предатель. Поэтому он боится.

Он не говорит, где живет. Он не говорит, как его сегодня зовут. Когда он встречается с нами, то садится на мет-

* Так у автора. На самом деле отчество Гордиевского — Антонович. (прим. перев.)

** Так у автора. Правильная дата рождения — 10 октября 1938 года. (прим. ред.)

ро, пересаживается на другую линию, затем на третью, а потом еще берет такси.

Мы встречаемся в квартире в Южном Кенсингтоне, которую сняли для разговора с ним. Он не хочет, чтобы мы знали, где он живет. Мы знаем лишь, что он проживает в маленьком городке под Лондоном, около часа езды на поезде с вокзала Ватерлоо, и живет там под немецким именем, под которым его и знают соседи.

«Вы должны понимать: теоретически КГБ или организация, ставшая его преемником, может убить меня в любой точке Земли. Нам кажется это преувеличением, но нас переубедили. За прошедшее время нам казалось, что с уходом КГБ с политической арены похоронены и его старые грехи. Но что такое уход? Из старого КГБ было лишь выведено бывшее Второе Главное Управление, ответственное за контрразведку и внутреннюю безопасность, и переименовано в «министерство безопасности». Но когда в октябре 1993 года «министр безопасности» не только не смог, но, скорее всего, даже не захотел предотвратить путч против президента Бориса Ельцина, рассерженный президент расформировал министерство и дал ему новое имя «Федеральная Служба Контрразведки».

Все это время Первое Главное Управление, отвечающее за внешнюю разведку, занималось своей работой, как будто ничего не изменилось. На старые кадры КГБ существует тот же спрос, что и раньше, особенно сейчас, когда Россия снова хочет стать сверхдержавой и нуждается для этого в хорошо функционирующей разведке.

Они — специалисты (а других нет) по разведке, шантажу, саботажу, промышленному шпионажу. И у этих экспертов долгая память. Они не прощают — все равно, на пенсии они или еще на службе».

Мы встречались и беседовали с ними — с Крючковыми, Грушко и Шебаршиным. Дело Гордиевского для них — горькое поражение, от которого они никак не могут опра-

виться. Гордиевский для них — воплощение Зла, не только, потому что ему удалось тайно покинуть Советский Союз, избежав верной смерти, но и потому, что он своим побегом оставил их в дураках — их, до той поры — столь всемогущих.

— Что, собственно, подтолкнуло Вас к службе в КГБ?

— Мой брат убедил меня. Он уже служил в КГБ. Я, в общем-то, хотел стать дипломатом. Но разведка казалась мне более привлекательной карьерой. Я был молод и честолюбив. Я хотел стать кем-то. И я хотел на Запад. Какой двадцатидвухлетний парень в Москве этого не хотел? А работа в КГБ была для меня своего рода мостом в Европу. Для этого была и семейная предпосылка. Уже отец Гордиевского работал в качестве политического комиссара на предшественника КГБ. Он был членом партии с 1919 года, и партия для него была «богом». Во время сталинских чисток, когда бесчисленные родственники и друзья семьи бесследно исчезли, безусловная верность отца была сильно поколеблена. Но окончательно с коммунизмом он так и не порвал. Это сделал лишь его сын.

— Но несмотря на это, Советский Союз был все же Вашей родиной. Почему Вы предали ее?

— Я предал не свою страну, а режим, который сам предавал ее в течение десятилетий. Это началось с ввода войск Варшавского Договора в Чехословакию. Тогда в августе 1968 года, погибла «Пражская весна», попытка придать социализму «человеческое лицо». Ужасное рыло советского коммунизма выперло на сцену. — Меня как бы ударили по голове, — рассказывает Гордиевский. — Это ли страна, за которую я должен был выступать? Солженицын тогда написал, что быть гражданином Советского Союза стыдно. Именно так я это и воспринимал. Я не хотел служить государственной власти, которая походя нарушает свои собственные законы и решил не сотрудничать больше с этой системой.

— Но это ведь не могло произойти внезапно. Нужен был процесс обдумывания, отхода от нее.

— Да, конечно. Я с 1962 года служил в КГБ. Я был молод, многим интересовался и о многом знал. Я читал в оригинале немецкие, шведские, французские, английские и американские газеты. Я узнавал намного больше, чем обычный гражданин СССР. Я узнал, что Хрущев на 20-м съезде КПСС в 1956 году сказал правду о преступлениях Сталина. Я узнал, что советская система прогнила изнутри и держалась только на репрессиях. Я был таким образом прекрасно подготовлен. И я знал: единственным средством, чтобы изменить положение в моей стране была помощь Западу. Запад был для меня островом свободы. Этот остров спасет мир, думал я. Так я пошел на контакт с одной западной разведкой. Это произошло в Копенгагене в 1972 году.

После посещения кузницы шпионских кадров в Москве Гордиевский в 1966 году начинает свою карьеру в качестве простого «секретаря» советского консульства в датской столице. В 1970 году он вернулся в Москву, в 1972 году — снова очутился в Копенгагене, на сей раз — в качестве «пресс-атташе» посольства.

Каждый сотрудник КГБ должен иметь «официальное» занятие: особенно любимыми были должности «пресс-атташе», «экономического» или «торгового атташе». «Пресс-атташе» Гордиевский для установления контакта выбрал провокационный, но надежный метод. По телефону он высказал своей тогдашней супруге некоторые критические соображения в адрес советской системы — зная, что частные разговоры советских дипломатов подслушиваются датской разведкой. Датчане вышли с ним на контакт.

В 1974 году Гордиевский в одном спортзале встретился с британским агентом. Он сигнализировал датчанам, что его сведения представляют большой интерес для атомной державы вроде Великобритании, чем для маленькой Дании.

— Почему англичане? Почему не американцы?

— Я решил в пользу британской разведки, потому что оценивал ее выше, чем американскую.

Настоящий благородный герой? Гордиевский, одинокий рыцарь между блоками, осознавший плохие стороны советской системы и решивший спасти свою страну, шпиона для Запада? Есть и другие объяснения.

— Ваши чистые идеологические мотивы Ваши бывшие руководители не воспринимают. Они утверждают, что причины измены Гордиевского были лишь финансовые: ему нужны были деньги.

— Конечно, они так и должны говорить. Ведь они завидуют мне, потому что им не удалось поймать меня. И потому что никто из них не достиг, как я, уровня идейной борьбы против тоталитарного советского режима. Кто из нас рисковал? Не они же. Я рисковал своей жизнью. Я рисковал своей семьей, которую не мог видеть в течение шести лет. А они служили режиму, пока он не исчез. Я был прав и отстаивал свое право, и это они не могут мне простить. У них остался один шанс — клеветать на меня.

— Ваши бывшие коллеги по КГБ говорят, что Вас могли шантажировать. Например, фотография Вас с какой-то женщиной.

— Я никогда не боялся шантажа. Британская разведка не использует шантаж. Так думает КГБ. КГБ сам использует шантаж. Они рассматривают все как в зеркале: если мы так делаем, другие тоже так делают! Это типично для КГБ.

— А женщины, Олег? У Вас не было никаких приключений?

Гордиевский улыбается. Нет, я скучный человек, говорит он.

— Я никогда не был в публичных домах, никогда не напивался — мне жаль. Когда мои другие коллеги напивались, я читал газеты или — и это он говорит совершенно

но серьезно — какую-то научную статью или слушал Баха. Я был серьезным человеком с серьезными интересами.

— И такой чистый рыцарь действительно не получил от англичан ни одного пенса?

— Ну хорошо, — Гордиевский немного молчит, отхлебывает своего «русского кофе» и признается. — В конце моей работы для британской разведки англичане сказали мне: «Олег, хотите Вы этого или нет, мы недавно начали переводить на Ваш счет небольшие суммы денег. Ведь Ваше будущее неясно, и мы хотим, чтобы у Вас было надежное будущее». И эти деньги, накопившиеся на моем счету, я после побега из СССР в 1985 году смог действительно хорошо использовать.

Это мы понимаем. Итак, он все же работал не совсем задаром. Британская разведка умело все это приукрасила. По отношению к своим британским коллегам Гордиевский выступал как человек, действующий по соображениям совести. Но где написано, что те, кто действует, исходя из своих убеждений, вообще не должны брать денег?

— За эти деньги я купил себе дом. Это весь материальный фон. Кроме него, я ничего не заработал. Он немного запнулся: — Кроме маленькой постоянной пенсии. Ведь больше я ничего не получаю. Британская разведка нам это подтвердила. Что думают коллеги из КГБ, мы еще услышим.

— О чем Вы сперва проинформировали британскую разведку?

Гордиевский улыбается:

— Они, конечно, хотели узнать, есть ли у КГБ агенты в их службе или вообще в правительстве. Если бы они были, я сказал бы им. Но к сожалению, тогда таких агентов не было. Потом они потребовали: «Расскажите, кто в Дании работает на КГБ!» На это было легко ответить. Я им все рассказал. Но они это и так знали. Они просто хотели меня проверить.

— А какие сведения Вы затем передавали англичанам?

— Я называл им агентов КГБ на Западе. Я дал им структуру КГБ. Я передал им документы КГБ. Я информировал их о целях и методах советской разведки. Я рассказал им все, что знал. Иногда некоторые сообщения были для них интереснее, чем я думал. Вот пример. В середине 70-х годов заместитель министра иностранных дел СССР Земсков посетил Данию — он много пил. И когда он был довольно сильно пьян, он сказал: «Мы все — рабы Старой площади». Это означало: все министры зависимы от Центрального Комитета КПСС, который находился на Старой площади в Москве. Англичанам это показалось сенсацией. Они едва не упали со стула: «Повторите это еще раз, повторите еще раз! Этого не может быть!». Но это так и было. Решения принимались в Политбюро, в Секретариате ЦК, подготовленные Международным отделом ЦК.

Это соответствовало действительности. Лишь в конце эры Горбачева баланс власти в Москве радикально изменился. Теперь, к примеру, министр иностранных дел Эдуард Шеварднадзе стал влиятельней, чем руководитель Международного отдела ЦК Валентин Фалин. Прорыв к немецкому единству Фалин не хотел воспринимать. Но Горбачев в окончательной фазе совершенно осознанно советовался не с ним, а с Шеварднадзе.

— Как Вы передавали сообщения? Вы использовали «мертвые» почтовые ящики? Или Вы встречались с британскими разведчиками?

— В Дании мы встречались примерно раз в месяц. В Англии мы в начале встречались раз в месяц, затем дважды в месяц, потом раз в неделю, а в конце даже два раза в неделю. Во время этих встреч я говорил по-русски, потому что они хотели, чтобы я высказывался как можно точно и рассказывал как можно подробнее. Они все записывали на магнитофонную ленту. Иногда я приносил с собой из посольства совершенно секретные документы, обычно в виде фотонегативов. Я брал их из моего сейфа, засовывал в карман

и передавал моему ведущему офицеру, обычно на конспиративной квартире. Его ассистентка раскатывала пленки на столе, приносила какой-то прибор и копировала их. Затем я снова клал документы в карман, возвращался в посольство и прятал их назад в сейф. Вся операция должна была длиться не более 45 минут. Ведь если бы за это время прошла какая-то проверка, меня давно бы уже разоблачили.

— Вас никогда не проверяли?

— Однажды такая проверка состоялась. Отсутствовали некоторые совершенно секретные документы. Все были возбуждены: «Куда же подевались документы?» Я как раз вернулся со встречи с моим ведущим офицером. Если бы они обыскали меня, это означало бы мой конец. Но почему-то они этого не сообразили.

Но они все же сообразили. Ведь все эти детали содержатся в досье Гордиевского, лежащем в архиве КГБ в Москве. Но это были лишь намеки, а не улики. Для изобличения этого недоставало. Пока недоставало.

— Ваше бытие как двойного агента было очень опасным. Неужели Вы не боялись? За себя? За свою семью? Он пожимает плечами.

— Конечно, боялся. Я очень боялся. Вы не можете выключить этот страх. Его можно только загнать вглубь. Но тогда он появляется снова и охватывает тебя, обычно в тот момент, когда ты об этом совсем не думаешь. Он трясет и почти убивает тебя. Но я научился жить со своим страхом. Мне не оставалось альтернативы, ведь я все решил для себя раз и навсегда. Так что мне пришлось взвалить на себя все последствия.

— А Ваша семья ничего не знала?

— Ради Бога, нет. Моя жена сошла бы из-за этого с ума.

Под «своей женой» он подразумевает свою вторую жену — Лейлу. Она намного моложе его, что обычно бывает в случае вторых браков. Обе его дочери ходят в частную английскую школу. Шпион с семьей, как большинство. Для Джеймса Бонда тут места нет.

Когда он говорит о Лейле, то со странной отстраненностью. Они познакомились в Копенгагене, во время его второго пребывания там в качестве «пресс-атташе». Он еще состоял тогда в первом браке — на бумаге. Лейла была секретарем в Международной организации здравоохранения. Советская колония в Копенгагене состояла из трехсот человек. Неписанным законом было собираться всем вместе на вечерних мероприятиях. Было трудно не познакомиться друг с другом. Гордиевский развелся и женился на Лейле. Она родила ему двух девочек и была счастлива — пока не узнала, что ее муж, полковник КГБ, на самом деле шпионил в пользу британской разведки. Но тогда он уже находился на золотом Западе, а она сидела в серой Москве с двумя маленькими детьми. Он, конечно, никогда ей ничего не рассказывал о своей двойной игре, чтобы не обременять ее. Но поймет ли это жена? Или она посчитает, что ею злоупотребляли? Мы еще услышим версию супруги.

— Неужели за все эти годы не возникало подозрений, что в резидентурах КГБ в Копенгагене и Лондоне есть утечка — и что Вы — эта утечка?

— В первые пять лет моей работы на англичан, т. е. с 1974 по 1979 годы в Копенгагене, мы были очень осторожны. В резидентуре не возникло ни малейшего подозрения. Иначе обстояло дело в центральном управлении КГБ. Когда я в 1979 году вернулся в Москву, то узнал, что КГБ обнаружило утечку информации. Они подозревали, что Запад знал кое о чем больше, чем ему полагалось знать. Они ломали себе голову: «Кто «крот» в наших рядах?» Это очень сильно повышало уровень адреналина в моей крови. Но все это было еще слишком шатко... Когда же я в 1982 году наконец был направлен в Лондон — «прямо к их пасти» — положение становилось все хуже. Я разоблачил нескольких агентов и потенциальных агентов — вроде Арне Трехольта и Майкла Беттани. Тогда они в Москве, конечно, что-то заподозрили: Запад не мог сам выйти на них! Где-то есть

предатель! Петля все сильнее затягивалась. В КГБ есть поговорка: «Агент живет около 10 лет. «И примерно после десяти лет работы на англичан КГБ стал меня подозревать. Мое время прошло, земля под ногами становилась все горячее. Точно я ничего не знал. Но уже в начале 1985 года у меня возникло плохое предчувствие. Что-то было не так. Я чувствовал это.

— Как они вышли на Ваш след? Кто или что Вас выдало?

— Над этим я годами ломал себе голову. Теперь я знаю. Конечно, было много указаний на утечки информации. И если бы в центре КГБ сложили все камешки мозаики, они раньше вышли бы на меня. Но получилось совсем иначе: в начале мая 1985 года они получили очень достоверную информацию от своего высокопоставленного источника о том, что в лондонской резидентуре сидит западный шпион. Я был единственным, кто попадал под подозрение.

От кого пришла эта информация? От Олдрича Хэйзена Эймса, тогдашнего шефа контрразведывательного отдела ЦРУ, ответственного за СССР и Восточную Европу. Эймс был в апреле 1985 года завербован КГБ. Свой первый гонорар он получил в середине мая 1985 года. Это была оплата за указание на то, что в Лондоне есть «дыра». Имел ли право сотрудник ЦРУ Олдрич Эймс вообще знать, что в Лондоне сидит двойной агент? Собственно, нет — но англичане в 70-х и 80-х годах прилагали почти болезненные усилия для улучшения своего пострадавшего имиджа в глазах «двоюродных братьев» за океаном, передавая им высококлассные сведения.

Со времени «Великолепной пятерки» из Кембриджа, знаменитых университетских агентов Советского Союза, шпионивших за «Сикрет Интеллидженс Сервис» изнутри, ЦРУ больше не особо доверяла британской разведке. Это недоверие могли устранить только хорошие сведения. Так информация от Гордиевского попадала на пару столов

в Лэнгли, штат Вирджиния. Они, конечно, были «очищены» — англичане скрывали свой источник, как могли. Но профессионал смог сложить 1 + 1. А Олдрич Эймс был профессионалом.

Так двойной агент Олег Гордиевский в конце мая 1985 года попал в двухмесячный кошмар — рискованную игру на жизнь или смерть. Она началась с одной телеграммы. Когда телеграмма лежала на его столе, он сразу понял, что тут что-то не так. Это был четверг, полдень, прекрасный майский день в Лондоне, 24 градуса в тени, необычно тепло для этого времени года. Гордиевский повесил куртку на спинку одного из двух его потертых поворачивающихся кресел и открыл окно. В его комнате на третьем этаже советского посольства было очень жарко. Этаж КГБ лежал прямо под крышей — на мансарде, где летом было невыносимо. Вентиляторы, один на комнату, должны были выдаваться хозяйственным отделом лишь после 1 июня.

Возле листка отрывного календаря с датой 16 мая лежала телеграмма из Москвы. Она требовала от товарища «Горнова» немедленно вылететь в столицу Советского Союза для «служебных бесед» с товарищами «Владимировым» и «Алешиным». «Горнов» был псевдоним Гордиевского в КГБ. «Владимиров» — псевдоним председателя КГБ Виктора Михайловича Чебрикова, члена Политбюро ЦК КПСС, «Алешин» — кодовое имя Владимира Александровича Крючкова, тогдашнего руководителя Первого Главного Управления, ответственного за внешнюю разведку. Манера псевдонимов в КГБ уже вошла в поговорки.

Несмотря на жару, Гордиевского прошиб холодный пот. Опять это головокружение. Он схватился за поручни кресла. У шпионов, вообще-то, должно быть железное здоровье, а уж у двойных агентов — тем более. Но Гордиевский страдал гипертонией и должен был принимать успокоительное. Но чувство надвигавшейся опасности нельзя